

Сознание возвращалось медленно. Юй Цинъинь с трудом разомкнул веки.

Перед глазами поплыла знакомая обстановка: чистая, прибранная опочивальня, где он жил вместе с Му Сибай. В комнате царил покой и тишина — верный знак того, что никакой беды за время его беспометства не случилось.

Разминая затекшее плечо, он приподнялся на постели. Стоило ему нащупать туфли и встать на ноги, как к телу вернулась чувствительность, а вместе с ней — и боль, самая острая из которой пульсировала в левой части груди. Цинъинь попытался восстановить в памяти события того дня: фальшивая «Цинхуань»... столкновение с тем чудовищем по имени Синтянь. Странно — тот ударил наотмашь, жестоко, но всё же сохранил ему жизнь. Остальное тонуло в тумане.

— Очнулся? Не делай резких движений.

Юй Цинъинь поднял голову. В дверях стоял Му Сибай с чашей в руках. Волосы его были распущены, на плечах — простая белая одежда. Весь его облик, мягкий и чистый, напоминал безупречный кусок теплого нефрита.

— Снова тебе пришлось со мной возиться. Прости за беспокойство, — Юй Цинъинь неловко улыбнулся и опустил на стул.

Му Сибай поставил чашу на стол — внутри была свежесваренная рисовая каша.

— Ты хоть знаешь, сколько пролежал без чувств?

— М-м? — Цинъинь вопросительно взглянул на него снизу вверх.

— Три дня.

Три дня для Юй Цинъиня — срок ничтожный. Куда хуже было бы проспать лет тридцать. Повреждение изначального духа требовало времени на восстановление, так что в обмороке не было ничего необычного. Однако саднящая боль в груди всё ещё тревожила.

— Сибай, что тебе удалось разузнать о деле Цинхуань?

Му Сибай не ожидал, что Цинъинь так легко отмахнется от собственного состояния и сразу заговорит о других. Он, и без того бесстрастный, казалось, стал ещё холоднее.

— Я всё тебе расскажу. Но сначала... — Му Сибай слегка наклонился к нему.

Он положил левую ладонь Цинъиню на грудь. В этот миг Юй Цинъинь почувствовал лишь

тепло его дыхания, и в самой глубине его сердца шевельнулось странное, забытое чувство. Пока разум Юй Цинъюня пребывал в смятении, Му Сибай привычным жестом развязал тесемки его халата. Взгляду открылся уродливый старый шрам на левой стороне груди.

Прошлое, бесцеремонно выставленное на свет, обожгло холодом. Юй Цинъюнь невольно вздрогнул.

— Старые долги, не о чем и говорить, — он отвел взгляд и поспешно запахнул одежду, отстраняя руку Му Сибая.

Сибай мгновенно вернул себе привычную невозмутимость. Он молча смотрел, как Цинъюнь оправляет одежду, и не стал настаивать на ответе.

Тайны Юй Цинъюня были не для простых смертных. Он не хотел втягивать Му Сибая в свои старые распри. Его прошлое принадлежало только ему.

— Давай сыграем в одну игру? — Цинъюнь сел прямо и посмотрел Му Сибая в глаза. — Каждый проигравший должен честно ответить на один вопрос победителя.

Му Сибай опустился на стул рядом, принимая вызов.

— Пусть чарка плывет по воде, а мы разделим хмель. Один вопрос — один ответ. Всё решит удача, справедливо, не так ли?

Юй Цинъюнь вспомнил происхождение Му Сибая и нынешнее время — в этом мире забава «Кривого ручья» всё ещё была в чести. К тому же Цинъюнь всегда предпочитал волю случая заумным поэтическим состязаниям.

Му Сибай не возражал. Вскоре они устроились у изгибающегося ручья в саду. На столах расставили сладости и фрукты, приготовили лаковые чарки с вином. Зазвучала мелодия «Весеннего снега». Чтобы не звать служанок из поместья Су, Юй Цинъюнь изловил нескольких иволг, что последние дни подозрительно кружили под окнами, заглядываясь на Му Сибая, и заставил их принять человеческий облик, дабы прислуживать за столом.

Маленькая иволга пустила первую чарку по течению выше по ручью. Юй Цинъюнь и Му Сибай замерли в ожидании. Чаша, покачиваясь на воде, медленно проплыла мимо Цинъюня и замерла точно перед Му Сибаем.

Юй Цинъюнь довольно усмехнулся. Течение было неторопливым, как раз по нему.

— Сразу уточню: я магию не использовал.

Му Сибай посмотрел на чарку, затем на Юй Циньиня, после чего молча взял сосуд и осушил его одним глотком. Какая решительность! Истинный благородный муж. Неудивительно, что многие жаждали разделить с ним ложе.

— Сибай, расскажи теперь: что странного ты заметил в поведении Цинхуань после того, как она вошла в поместье?

Юй Циньинь победно вскинул бровь. Ему и самому хотелось пригубить вина, но правила есть правила.

Му Сибай поставил чарку и, прикрыв глаза, негромко произнес:

— Если судить по словам окружающих, я не думаю, что Су Ицю привел Цинхуань в дом из-за пылких чувств.

Этот ответ застал Юй Циньиня врасплох.

— То есть как? — он заметно напрягся. Если это так, значит, его план трещал по швам. Встреча Цинхуань и Су Ицю в мире смертных была устроена им намеренно, но дальше он не вмешивался. По его расчетам, Су Ицю должен был воспылать страстью, пройти через испытание любовью и в итоге вознестись.

— Су Ицю движет лишь чувство долга и желание отплатить за добро. О любви здесь нет и речи, — договорив, Му Сибай пристально посмотрел на собеседника. — Твоя очередь пускать вторую чашу.

«А этот парень не так прост», — подумал Юй Циньинь. Он-то надеялся выудить всё и сразу, а Му Сибай решил выдавать информацию по крупицам.

Сдержав усмешку, Циньинь подал знак иволге. Вторая чарка, плавно вальсируя на воде, скользнула по течению и... замерла прямо перед самым Юй Циньинем. Тот взглянул на Му Сибая, который не сводил с него глаз, вздохнул и выпил вино.

Что-то здесь было нечисто.

— Нехуан... он правда твой сын?

Му Сибай явно решил не тратить время на пустяки. С чего вдруг его заинтересовал этот «ребенок»? Юй Циньинь замер с пустой чаркой в руке, не скрывая изумления.

— Отвечай, — спокойно напомнил Му Сибай.

Пришлось признать, что аура у этого смертного была посильнее, чем у иного божества.

— Это долгая история, — вздохнул Юй Цинъинь. — По правде говоря, я и сам мало что о нём знаю. Может, это плод какой-нибудь шальной ночи после лишнего кувшина вина?

— Нет, — отрезал Му Сибай.

Цинъинь вскинул голову. Откуда такая уверенность? Нехуан не умеет говорить, так что о его родителях ничего не известно. На чём основывается это категоричное «нет»?

— Не сам же я его родил... — пробурчал он себе под нос.

Иволга пустила третью чарку. На этот раз Юй Цинъинь не удержался и применил крохотную хитрость — ему позарез нужны были сведения о Цинхуань.

— Почему ты решил, что в сердце Су Ицю нет места любви? — Цинъинь, подперев щеку рукой, с улыбкой уставился на друга.

Му Сибай выпил и парировал:

— А с чего ты взял, что оно там есть?

Юй Цинъинь перестал улыбаться.

Му Сибай попал в самую точку. Действительно, почему он решил, что Су Ицю полюбит Цинхуань? Вэньцюй Синцзюнь отправил своего помощника в мир смертных именно из-за его холодности и косности, желая, чтобы тот познал милосердие и сострадание. Но разве достаточно того, что Цинхуань когда-то спасла ему жизнь? Это породило благодарность, но не любовь.

Похоже, расчеты Юй Цинъиня были обречены на провал.

Чувство досады захлестнуло его. Плевав на правила игры, он схватил стоявший рядом кувшин и принялся пить прямо из горлышка. Его хмель не брал, так что он мог осушить хоть погреб, но Му Сибай перехватил его руку и отобрал сосуд.

— Вино выпьешь позже. Спрашивай дальше.

Он вдруг стал на удивление покладист. Неужели решил выложить всё без всяких игр?

— Мне было трудно проследить, как именно произошла подмена Цинхуань, — добавил Му

Сибай.

Это Цинъюнь понимал. Тот, кто подменил Цинхуань, явно обладал огромной силой, и было бы чудом, если бы обычный человек смог что-то разузнать.

— Я не виню тебя. Враг слишком непрост.

Цинъюнь по-дружески похлопал Му Сибая по плечу. Но тот внезапно накрыл его ладонь своей и заглянул в глаза.

Цинъюнь опешил. В воздухе повисло странное, тягучее напряжение.

Он всегда считал Му Сибая близким другом. Один — смертный, другой — божественный феникс, сама их встреча была великой удачей. Цинъюнь не раз любовался красотой этого человека, но неизменно сдерживал себя, понимая пропасть между ними. Однако сейчас ситуация принимала двусмысленный оборот.

Глаза Му Сибая отличались от глаз небожителей. Глубокие, как черный агат, они манили и пугали своей бездонностью. Обычно холодный и бесстрастный, сейчас Му Сибай смотрел на него так, что у Цинъюня кружилась голова.

Они сидели неподвижно, глядя друг на друга, и выпитое вино лишь добавляло тумана в мысли. Юй Цинъюнь, сам не зная зачем, перевел взгляд с глаз Сибая на его губы — тонкие, плотно сомкнутые. И тут, поддавшись необъяснимому порыву, он протянул руку и коснулся их кончиками пальцев.

Му Сибай замер. Такого он явно не ожидал.

Осознав, что натворил, Юй Цинъюнь поспешно отдернул руку. Неловкость накрыла его с головой. Что это было? Один мужчина заигрывает с другим? Сибай, верно, до смерти напуган.

Но Му Сибай в очередной раз доказал, что он — не такой, как все. Он перестал быть изумленным и лукаво, едва заметно улыбнулся.

— Супруга, неужели ты хочешь меня...

Он оборвал фразу на полуслове, оставив за собой шлейф недосказанности. Этот тон, этот взгляд — в его голосе сквозила мягкая насмешка, стирающая все границы.

— Ха-ха-ха... — Юй Цинъюнь выдавил из себя серию нервных смешков, пытаясь сгладить оплошность. — Сибай, ты не так понял. Всё не так... Мужеложство — это по моей части, я один справлюсь... Тьфу, да что я несу!

Му Сибай, казалось, и не думал принимать его оправдания. Он подал знак иволге, и та, побледнев от страха, мгновенно обернулась птицей и улетела прочь.

Когда Му Сибай придвинулся ближе, Юй Цинъинь вдруг понял, что бежать ему некуда.

<http://bllate.org/book/17464/1693842>